

Natalie East

Taborka

Natali Cat Бабочка

<https://litres.ru/74635239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стоит ли великое историческое предназначение утраченного личного счастья?

Содержание

Речь Посполитая, под стенами Львова, октябрь 1648-го года.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Бабочка

Речь Посполитая, под стенами Львова, октябрь 1648-го года.

— Нехай выдадут их всех. Всех до единого.

— Всех? — удивленно изогнул черную бровь полковник Иван Богун, вопросительно глядя на своего гетмана — Богдана Михайловича Хмельницкого.

Они осаждали Львов уже вторую неделю, когда Богдан неожиданно потребовал выдать евреев города, находившихся под покровительством польских властей. Но зачем ему все? Торговцы, ремесленники, шинкари, портные, женщины и дети. Не очень-то похоже на обычную военную расправу. Расплатиться ими с Тугай-Беем — татарским мурзой, с которым он вступил в союз ради победы над польской шляхтой? Без его войска им пришлось бы сложнее, это верно, но Иван знал, что в глубине души гетман презирал Тугай-бея. Презирал и ненавидел. Впрочем, как и всех остальных нехристей.

Богдан поднял восстание против польской шляхты не из-за собственных амбиций, а по причине того, что польские магнаты захватывали земли, облагали крестьян непомерными податями и повинностями, уменьшили казацкие привилегии, насильно пытались насадить чуждую православ-

ным христианам католическую веру, к тому же, делали евреев-нехристей арендаторами своих владений.

Но именно евреев Богдан ненавидел больше, нежели всех остальных. Казалось, в его ненависти было нечто слишком личное, слишком болезненное. Своего господина Иван ни о чем не спрашивал, гетман всея Украины не любил лишних, не относящихся к их общему делу вопросов. Но Иван Богун никогда не любил бессмысленной жестокости, в отличие от их соратника Максима Кривоноса, славившегося особой кровожадностью и получавшего истинное удовольствие от смерти и убийств.

— Ты желаешь, чтоб ляхи выдали всю общину, Хмель?
— нахмурился Иван.

— Я же сказал — всех. Женщин, детей, всех... — усмехнулся Богдан в темные усы.

— Но в чем вина женщин, стариков и детей? Они не помогали ляхам. Зачем нам брать ответственность за их жизни? Нехай выдадут виновных. — Иван заметил в его взгляде нечто странное, необъяснимое, похожее на... *боль?* — Может быть... ты кого-то шукаешь?

— Никого я не шукаю. — Резко ответил Богдан, сжав в кулак широкую ладонь. — Я хочу, чтоб жида за все заплатили. За их деяния будет отвечать вся община.

Тяжело вздохнув, Иван опустил глаза. Спорить с Богданом было бесполезно, ежели он что-то решил, то непременно это сделает. Что ж, раз уж так суждено, значит так тому

и быть. На все воля Божья.

В синеве темнеющего осеннего неба едва проглядывали последние проблески прощавшегося с уходящим днем солнца. Скоро на Львов опустится непроглядная ночь, на небосклоне зажгутся серебристые звезды, щедро дарящие свой яркий, но холодный свет.

Задумчиво глядя на это низкое неприветливое небо, Богдан вспомнил слова ближайшего соратника, верного боевого товарища — об ответственности за жизни ни в чем не повинных людей. *«Женщины и дети ничего не должны.»* Но кое-кто ему все-таки остался должен. И *она* жила здесь, в городе его юности, где когда-то он учился в Иезуитском коллегиуме, был счастлив и впервые познал любовь. Любовь и ненависть. Счастье и горе.

Все это было так давно, с тех пор прошло тридцать три года, ему было пятьдесят три, он испытал немало невзгод и лишений: пережил турецкий плен, участвовал во многих битвах, два раза был женат, наплодил много детей, стал Гетманом Всея Украины. И вот он снова здесь — во Львове. Но нынче уже не в самом городе, как в далекие дни беззаботной юности, а под стенами, осаждая его и будучи готовым пролить кровь. Кровь ни в чем не повинных перед ним жителей. Лично перед ним, но не перед его народом, интересы которого он представляет. Он воюет не за себя, а за них.

Живет ли *она* по-прежнему там? Жива ли? Замужем или вдова? Или так и не вышла за своего Давида? Сколько стран-

ных и бессмысленных вопросов под темно-синем небом осажденного города. Вопросов, о которых даже не догадываются его бойцы, стоящие с ним бок о бок, в любой момент готовые ринуться в бой и пожертвовать жизнью, стоит ему только приказать.

Рахиль. Ее звали Рахиль. Он встретил ее случайно у коллегиума. Зачем она туда явилась, на кой ее только черт принес? Сколько раз он шептал ее имя во сне, ворочаясь на жесткой постели в комнатке общежития коллегиума. Во снах он покрывал ее прекрасное лицо жаркими поцелуями, припадал сухими губами к полной упругой груди, входил в ее разгоряченное белое тело, оставляя в нем теплое семя. Он полагал, что его мечты вскоре сбудутся. Его намерения были вполне серьезны: увезти Рахиль на их семейный хутор — Суботов, окрестить в православную веру, жениться и быть вместе навсегда. Навеки. *«Пока смерть не разлучит нас».*

Каким же наивным, романтичным дурачком он был в те годы. Она разбила его мечты, отказавшись от крещения и брака, заявив, что собирается замуж за другого. Его звали Давид, и она любила его. Но зачем было давать ему ложную надежду? Надежду на любовь и счастье, как бы банально и смешно это теперь ни звучало. Впоследствии ему ещё не раз доводилось сталкиваться с вероломством представителей ее народа. Но та первая рана так и не зажила до конца, несмотря ни на что.

А вдруг она там, в городе? Все еще жива, и быть может,

вдова? Но даже, если и нет, то эта проблема решаема... Как она нынче выглядит? Вполне возможно, что от бывшей юной красоты не осталось и следа. Но разве это так уж важно? Ведь он и сам давно не юноша, хотя мужской силы у него хватает еще с лихвой. Вторая жена — полька Елена была повешена по приказу старшего сына Тимофея за измену. Богдан Хмельницкий — вдовец и имеет полное право вновь вступить в брак.

Что, если... Мысль, неожиданно ворвавшаяся в уставшее сознание Богдана была отогнана им спустя мгновение. Безумие. Ежели он решит забрать Рахиль к себе, что подумают его люди? На что она ему нужна? Раньше он знал эту женщину и был отвергнут ею? Иван и так уже начал о чем-то догадываться, что-то подозревать. Когда-то он не воспользовался своей властью над ней и не увез силой, а нынче поздно. Слишком поздно. Пойдут слухи, начнутся никому ненужные разговоры о том, что мотивы гетмана вовсе не политические или, по крайней мере, не только политические. Репутация железного гетмана будет разрушена, а допустить этого ни в коем случае нельзя. Совершенно невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.